

ДОЧЬ МАЯКОВСКОГО
ДОЧЬ МАЯКОВСКОГО
ДОЧЬ МАЯКОВСКОГО
ДОЧЬ МАЯКОВСКОГО
ДОЧЬ МАЯКОВСКОГО
ДОЧЬ МАЯКОВСКОГО

А

Элли Джонс. 1925 г.

В музее В. В. Маяковского 19 июля 1981 г.
Патриция Томпсон, Роджер Томпсон, Мазель Фейнберг.
Фото Г. МЕДЗНАРИАШВИЛИ

Мазель ФЕЙНБЕРГ

АМЕРИКА, 1925-й... ГОД

Беседу вела Г. МЕДЗНАРИАШВИЛИ

Исайя Хургин.

Г.М. — Перед своим отъездом в Соединенные Штаты в июле этого года дочь Маяковского Патриция Томпсон на пресс-конференции в Музее Маяковского сказала, что встретила с вами, Мазель Исаевна, была для нее необычайно важной и что, если бы жизнь сложилась по-иному, вы росли бы как сестры.

М.Ф. — Да, вероятно, это было бы так. Ровно 66 лет тому назад 30 июля 1925 года Маяковский приехал к моему отцу в Нью-Йорк. Мой отец достал ему американскую визу. Ведь усилия Бурлюка не увенчались успехом, и поэт уже думал, что ему не придется побывать в Америке.

Г.М. — Маяковский и ваш отец были знакомы до Америки?

М.Ф. — Где-то встречались, но знакомы по-настоящему не были. По образованию отец был математик, астроном, но стихи Маяковского, конечно, знал. Он вообще знал и любил литературу. Очень следил за современной литературой. В его бумагах сохранился даже членский билет Московского Дома печати. Близким его другом был украинский поэт Василь Блакитный. Хорошо знал Михоэлса, художника Алтмана. Довженко рассказывал мне с огромной непроходящей благодарностью, что отец очень помог ему в тяжелые для него годы. Но это особое событие жизни Маяковского не знают его биографы.

Внимательно отец следил и за художественной жизнью Америки, ездил в Голливуд и устроил приезд Мэри Пикфорд в Советский Союз, но приехала она уже после его смерти.

Для того чтобы читать свою любимую книгу «Дон-Кихот» в подлиннике, специально выучил испанский язык.

Эти его интересы были столь явными, что даже газета «Нейшен» специально отметила: «...его личные интересы простирались от теории Эйнштейна до новейшей поэзии и до последних популярных песенок. Его интерес к новым исканиям в театре и кино был далеко не любительским. А незадолго до смерти он принял участие в превращении двух классических произведений литературы в произведения киноискусства».

«Горизонт», № 12, 1991. Печатается с сокращениями.

Г.М. — А где жил Маяковский в Нью-Йорке?

М.Ф. — Отец снял ему квартиру на Пятой авеню, дом 3, где жил сам, этажом выше.

Г.М. — А дом этот сохранился?

М.Ф. — Нет, он был снесен еще в мае 1926 года. О чем есть заметка в американской газете «Русский голос». В ней говорится о том, что

был так. Ровно 66 лет тому назад 30 июля 1925 года Маяковский приехал к моему отцу в Нью-Йорк. Мой отец достал ему американскую визу. Ведь усилия Бурлюка не увенчались успехом, и поэт уже думал, что ему не придется побывать в Америке.

Г.М. — Патриция вас спрашивала, какие американские адреса Маяковского вы еще знаете, кроме тех, какие известны ей со слов матери?

М.Ф. — Ну, я знаю адреса, связанные с отцом. Контра «Амторга» была на Бродвее, 65. У меня было два любительских плохих снимка кабинета отца, где часто бывал Маяковский. Один из них я подарила Патриции.

И еще знаю, об этом писали, что Маяковский, когда отец погиб, много времени провел у гроба в похоронном бюро, вернее, зале, для прощания Кемпбелл — угол Бродвее и 6-й улицы. Адреса же, где Маяковский выступал и где бывал, установлены, возможно, не все, по американским газетам, и Катанья в своей «Хронике жизни и деятельности Маяковского» и Кэмпрад в книге «Маяковский в Америке» их приводят.

Г.М. — Вы были редактором книги Кэмпрада?

М.Ф. — И сделала, теперь об этом уже можно говорить, очень много для того, чтобы эта книга вышла в 1970 году в издательстве «Советский писатель». На эту книгу теперь все ссылаются, когда пишут о пребывании Маяковского в Америке. В ней должны были быть еще две главы — о дочке Маяковского и о моем отце. О Патриции, вернее, о дочери Маяковского он написал.

Эта глава — «Дочка» — тогда не была опубликована. Я думала, что работа эта пропала, и была очень рада, когда услышала в музее Маяковского в день рождения Маяков-

ского, на котором была Патриция, только что приехавшая в Москву, что копия этой главы подарена музею. (Кэмпрад умер несколько лет назад.) Надеюсь, что скоро эти страницы будут опубликованы.

Г.М. — Значит, вы давно знали о существовании дочери Маяковского?

М.Ф. — Да, примерно с конца 40-х годов от Николая Асеева. Хотя он в своей поэме «Маяковский начинался» и писал:

Только ходят
слабенькие версии,
слухов
Пыль дорожную крутя
будто — где-то
в дальней-дальней Мексике
от него затеряно дитя.

Но написал он неправду, а правду знал. Но в то время написать прямо, что у Маяковского в Америке растет дочь, казалось невероятным, почти кощунственным.

Г.М. — О вас Патриция Томпсон знала?

М.Ф. — Нет. Я написала ей письмо в прошлом году. Она сейчас же ответила мне, но от волнения, как она мне теперь рассказала, забыла написать номер дома, и письмо поэтому вернулось в Нью-Йорк. Но летом, незадолго до приезда Патриции в Москву, мне его привезли. В этом письме она писала, что с детства слышала фамилию Хургин, знала о его гибели и что эта смерть повлияла на решение ее матери и на их жизнь.

Г.М. — Ваш отец утонул со Склянским на озере Лонг-Лейк под Нью-Йорком, катаясь на лодке во время бури?

М.Ф. — Да, официальная версия такова, но я теперь почти не сомневаюсь, что это было заранее спланированное убийство, замаскированное под несчастный случай, хотя, конечно, всякое бывает.

Г.М. — У вас есть доказательства?

М.Ф. — Вы знаете, есть и как бы прямые свидетельства. Так, например, Борис Бажанов в своей книге «Воспоминания бывшего секретаря Сталина», изданной сейчас у нас, а два года назад печатавшейся в отрывках и в «Огоньке», прямо пишет уже о том, что они с Мехлисом были твердо уверены, что Склянский утоплен по приказу Сталина и что «несчастный случай» был организован Каннером и Ягодой. Бажанов

Ведь, в сущности, под «несчастный случай» была замаскирована и смерть Фрунзе на операционном столе через два месяца после смерти Склянского и отца.

много путает. Но здесь он, очевидно, пишет правду.

Ведь, в сущности, под «несчастным случаем» была замаскирована и смерть Фрунзе на операционном столе через два месяца после смерти Склянского и отца. Причина, очевидно, одна — Склянский был заместителем Троцкого по Революционному совету. Фрунзе сменил Склянского

в марте 1924 года. А Склянский был назначен директором треста «Моссуно» и приехал в Америку в командировку, но на третий день погиб. Было известно, что Склянский не умеет плавать.

Читала я и русские газеты, выходящие тогда за границей. Помню шапку через всю полосу: «Советские представители были утоплены». Но больше всего меня убеждают косвенные доказательства. Я их собрала. Скажу лишь о немногих. В наших газетах, много писавших о их гибели, всюду подчеркивалось, что была буря на озере. Но вот в американских газетах, исключая русскоязычные, лишь в одной было написано, что «поднялся ветер». Но ведь этот ветер не помешал какой-то лодке оказаться около них, когда рука одного высунулась из воды, но люди, сидевшие в лодке, не приняли мер к спасению. Об этом есть письменное свидетельство.

Мне говорила моя мать, что их лодку перевернул не ветер, а моторная лодка, которая потом скрылась.

И слишком были пышные похороны. Специальные комиссии, выезжающие встречать урны. Рижский (а тогда Виндавский) вокзал, задранированный в черные и красные полотнища. Военные оркестры. На кладбище военный салют. Урны несли на руках от вокзала до Новодевичьего кладбища. Сохранились снимки, сделанные на Театральной площади с крыши «Метрополя».

Море людей. Все правительство. Кроме Сталина. Он демонстративно не явился. Показал свое отношение к Склянскому. По словам Бажанова, Сталин ненавидел Склянского. Думаю, что отец был ему безразличен. И еще одно. Из некролога, написанного Н.Осинским и присланным из Америки, где он тогда был, и напечатанного в «Правде», был снят абзац, начинающийся словами: «Я не знаю и, может быть, никто не узнает, как и почему погиб Хургин», — хотя дальше Осинский говорил о

другом. Полный машинописный текст некролога Осинский подарил моей матери, и он сохранился в моем архиве.

Г.М. — Маяковский, и об этом уже писали, а на пресс-конференции говорила и Патриция Томпсон Елена Владимировна, как теперь она себя называет, очень тяжело пережил гибель вашего отца, впад в депрессию.

М.Ф. — Да, он был потрясен. Все дни не отходил от гроба. Выступил на гражданской панихиде, о чем только недавно стало известно из газеты «Нью-Йорк геральд трибюн». (Об этом написал Григорий Хит в очерке об отце в «Огоньке»). К сожалению, газета только сообщила об этом, но не привела текста. Провожал урны на советский теплоход 8 сентября. И только 10-го возобновил свои публичные выступления. Смерть отца что-то изменила и в его планах, о чем свидетельствует телеграмма Лиле Брик: «...Несчастье хургиным изменило визные деловые планы...» Это не только невозможность достать визу для Лиле Брик, которая очень хотела приехать в Америку. Но что-то еще. И вот после всего ни одного слова об отце, о его гибели по приезде в Советский Союз. А по словам Лиле Брик, которые она мне сказала в 1975 году, «Володя его очень, очень любил».

Это молчание красноречивее слов.

Маяковский знал правду, знал, что смерть эта не случайна. Патриция мне сказала, что и ее мать, вспоминая моего отца, всегда говорила, что он убит. Писать очевидную неправду не хотел. Об этом совершенно справедливо написал Валентин Скорятин в своей статье «Прозрение», напечатанной в «Журналисте».

Г.М. — А где во время пребывания Маяковского в Америке была ваша мать, которая ведь тоже работала в «Амторге»?

М.Ф. — Моя мать, Карола Иосифовна Бассехес, в это время была в Советском Союзе, где я и родилась. Отец приехал на меня посмотреть, но через неделю должен был срочно уехать, так как его вызвал Красин. А мать должна была в конце февраля со мной выехать в Берлин, где отец нас ждал, и дальше с отцом снова ехать в Америку, но я заболела, и мы никуда не поехали. Отец

ДОЧЬ МАЯКОВСКОГО
ДОЧЬ МАЯКОВСКОГО
ДОЧЬ МАЯКОВСКОГО
ДОЧЬ МАЯКОВСКОГО
ДОЧЬ МАЯКОВСКОГО
ДОЧЬ МАЯКОВСКОГО

А

уехал один. И через полгода, 27 августа, погиб. Ему было 38 лет, а Склянскому — 33.

Г.М. — Он долго проработал в Америке?

М.Ф. — Больше двух лет. Отец приехал в Америку в середине 1923 года с долгосрочной визой как директор американского отделения «Дерутры» — русско-германского транспортного общества. Ему очень помог, как писали потом американские газеты, Гарриман. Я не знаю, был ли это будущий посол Америки в СССР Аверелл Гарриман, или его отец, имевший давние деловые связи с нами, или еще кто-нибудь из этой семьи. Это нужно еще выяснить. Отец увидел, что те две фирмы, которые ведут кое-как торговлю — «Продэкско» и отделение «Аркоса» — не справляются со своими задачами, и обратился в январе 1924 года с письмом к Красину — народному комиссару внешней торговли — с предложением создать акционерное общество. Название «Амторг» дал также отец. В мае 1924 года «Амторг» был зарегистрирован в штате Нью-Йорк. И очень успешно начал свою деятельность. Достаточно сказать, что за один год с капитала в 1 миллион долларов обороты «Амторга» достигли 50 миллионов. А по тем временам это были довольно большие деньги. Очень многое из того, что мы теперь начинаем делать, отец начал уже 65 лет назад.

Г.М. — А как американские бизнесмены отнеслись к деятельности «Амторга»? И к вашему отцу, ведь у Советского Союза еще очень долго не было дипломатических отношений с Америкой.

М.Ф. — Но торговать с нами Америка хотела. Вот вырезки из американских газет. Когда отец погиб, о нем писали все американские газеты. Достаточно сказать, что «Нью-Йорк таймс» вынесла в заголовок слова: «В лице Хургина Совету потерпели высокоталантливый представитель». А статья-некролог начиналась словами: «Мало кто из американцев, ознакомившись с подробностями гибели двух советских лидеров в Лонг-Лейк 28 августа (27. — М.Ф.), знают о том, каким замечательным человеком был Исай Хургин. Финансисты с Уолл-стрит, которые имели деловые отношения с мистером Хургиным как с председателем «Амторга», Бродвеи, 165, не раз поражались огромным способностям и быстроте понимания этого хрупкого человека с седеющей бородкой».

А газета деловых кругов «Нейшен», которую нельзя было заподозрить ни в симпатиях к Советскому Союзу, ни в желании говорить комплименты, писала: «Хургин был любящим жизнь, живым, умным, проницательным, ироничным человеком. Очень немногие из американских бизнесменов, с которыми ему приходилось иметь дело, могли сравниться с ним».

деловитости и организаторских способностях. А в «Нью-Йорк таймс» было особо отмечено то чувство достоинства, с каким отец вел в Америке очень трудные деловые переговоры: «В разговорах с американскими бизнесменами он был прост и ироничен. Каждый его жест отличался изяществом. Его воспитанность вошла в поговорку». Писали много и о его личных качествах. Я говорю об этом довольно подробно еще и потому, что это важно знать и для будущей полной, настоящей биографии Маяковского, что за человек был мой отец, знавший поэт с Америкой и пользовавшийся его полным доверием. Ведь отцу он сказал и о своих отношениях с Элли Джонс.

Г.М. — У вас есть письма отца из Америки?

М.Ф. — Есть, но их не так много. Большой ящик писем забрали во время обыска, когда 13 ноября 1937 года арестовали мою мать. Там было очень много писем, связанных с Маяковским. Отец писал матери два раза в день, подробно рассказывая, где они были с Маяковским, что он говорит и т.д. Помню, как меня, девочку, поразило одно письмо, в котором отец писал: «Так говорит Володя, который сейчас в соседней комнате...» Мне тогда казалось, что Маяковского только «проходят» в школах. Мы лишились, таким образом, хроники пребывания Маяковского в Америке за первые три недели.

Также погибла и кинолента, снятая в Америке во время церемонии отправки урны с прахом в Советский Союз, 8 сентября 1925 года. Там было много кадров с Маяковским. Мы говорили об этом с Василием Абгаровичем Катаняном. По его просьбе Жорж Садуть — известный историк кино — искал эту ленту в кинотеатрах мира, но, к сожалению, безуспешно. Но я надеюсь,

а вдруг не все уничтожено, и мы сможем что-то найти.

Г.М. — А какие материалы есть в вашем архиве, как-то связанные с Маяковским?

М.Ф. — Только воспоминания моей матери и записи ее рассказов.

По существу, о пребывании Маяковского в Америке мы недостаточно знаем. И я думаю, что те месяцы, которые Маяковский провел в Америке, были для него очень важными и радостными и очень тяжелыми, изменившими в чем-то его внутреннюю жизнь. И в первую очередь это встреча с Элли Джонс и рождение дочери. И, конечно, гибель моего отца, которую он так тяжело воспринял, потому что впервые увидел, что для тех служб, где у него были

и личные друзья, вроде Агранова, нет расстояний. И невозможность об этом рассказать.

Г.М. — Вы надеетесь, что, когда опубликуют воспоминания Элли Джонс, мы узнаем что-то новое о Маяковском?

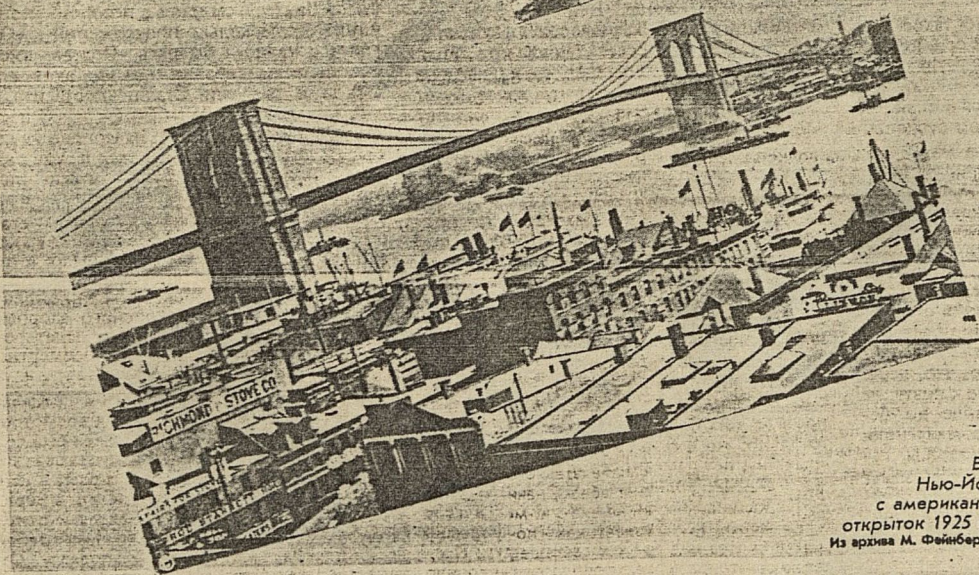
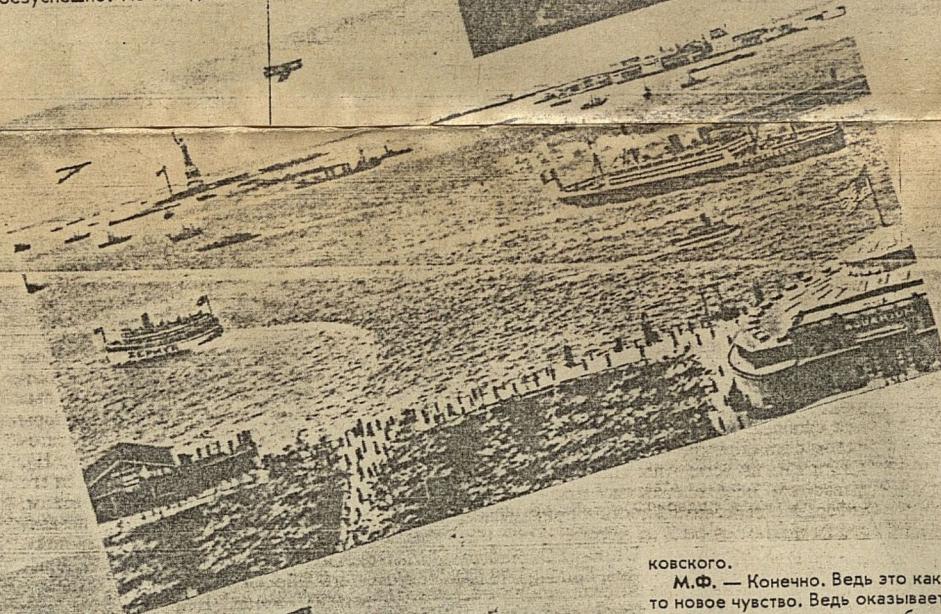
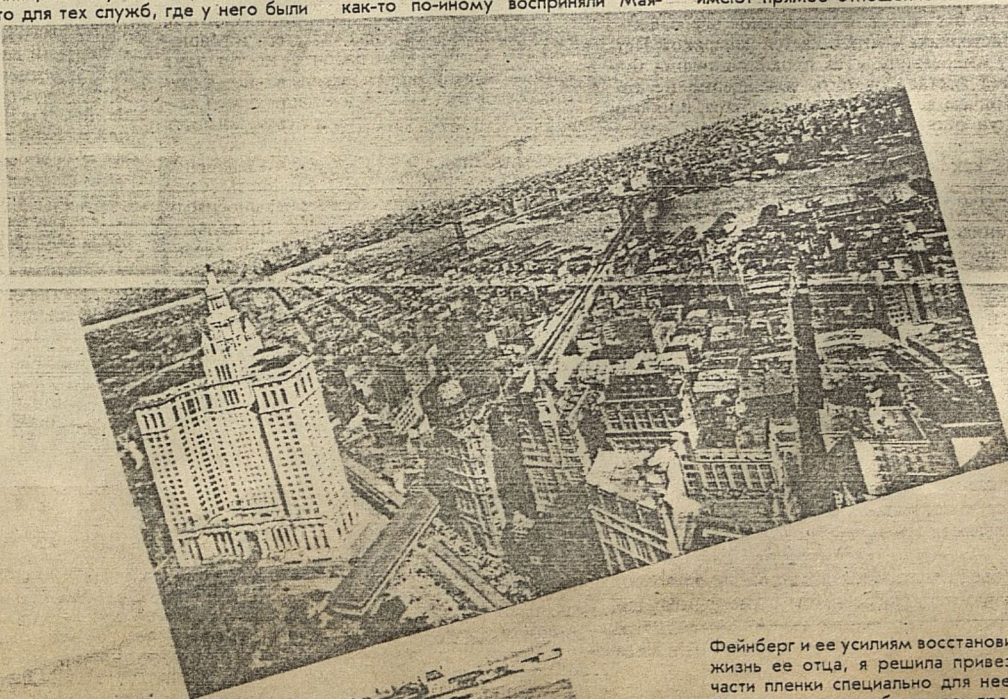
М.Ф. — Да, надеюсь. Я думаю, что из них мы узнаем правду о пребывании Маяковского в Америке, и это очень важно. Правдой, конечно, являются и стихи, но это не вся правда. Его душевное состояние выражено в них не так полно, ведь Маяковский в это время был уже под гнетом жесткой внутренней цензуры.

Г.М. — Мне кажется, что с приездом Патриции Томпсон многие как-то по-иному восприняли Мая-

Книга уже вышла на английском языке в Нью-Йорке, готовится ее издание и в Москве. Будет она переведена и на другие языки.

За эти годы Патриция несколько раз побывала в Москве. В последний свой приезд в январе этого года она подарила мне пленку с записью рассказа своей матери Элли Джонс о моем отце. Рассказ ее был записан 5 июня 1979 года. Патриция предварила эту запись словами, обращенными ко мне:

«...Эту пленку я приготовила с особой целью — я сделала ее для моего друга Мазель Фейнберг, дочери Исая Хургина. Пленка содержит воспоминания моей матери о Хургине... и поскольку эти воспоминания имеют прямое отношение к Мазли

Виды Нью-Йорка с американских открыток 1925 года Из архива М. Фейнберг

Фейнберг и ее усилиям восстановить жизнь ее отца, я решила привезти части пленки специально для нее... Я считаю, что мы обе дочери трагедии и что только совместными усилиями, которые мы предпринимаем вместе, каждая из нас сможет лучше понять обстоятельства, которые дали нашим жизням такое трагическое начало...

И что она говорит о вещах, которые подтверждают для меня и, конечно же, подтвердят для Вас тот факт, что обстоятельства его смерти не были случайными, как Вы услышите на этой пленке».

Понятно волнение, с каким я слушала рассказ женщины, знавшей моего отца, которого я не могла забыть, и говорившей с ним незадолго до его гибели.

Рассказ этот занимает 40 минут, и в кратком послесловии я не могу его полностью здесь привести. Множество фактов и обстоятельств, о которых рассказывает Элли Джонс, помогут установить имена и биографии людей, причастных к трагедии на озере Лонг-Лейк.

Элли Джонс подробно рассказывает о первой встрече с Хургиным. «В маленьком элегантном кафе или частном клубе, куда их пригласил на ужин Чарльз Рехт, чтобы познакомиться». «Хургин недавно приехал из России, говорил о последних книгах, новинках поэзии, песнях... Он был очень привлекательной внешности... напоминал Иисуса». Она вспоминает: «Мне сказал Хургин, что Маяковский в Нью-Йорке, но он просит позволения не знакомить меня с ним, т.к. Маяковский любит ухаживать за женщинами». «Через несколько дней Рехт сказал Элли Джонс, что Хургин себя очень плохо чувствует, и «должен уехать отдыхать».

Очевидно, эта встреча произошла в середине августа, поскольку 19 августа Хургин уже уехал на озеро

* Хочу выразить глубокую благодарность моему другу Татьяне Клокуной, расшифровавшей эту пленку.

Окончание на 29-й стр.

ковского.

М.Ф. — Конечно. Ведь это какое-то новое чувство. Ведь оказывается, что у Маяковского другая биография. И многим нужно привыкнуть, что есть дочь, разительно на него похожая, но выросшая в другой стране, с другим языком, и есть внук. И все так поздно о них узнали. А я хоть и знала о существовании дочери, но это было какое-то абстрактное знание. И я просто очень рада встрече с Патрицией и Роджером. Мне это важно, они мне не чужие.

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

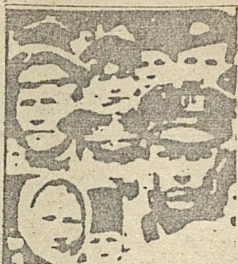
Прошло два года, и мой рассказ можно дополнить.

За это время Патриция написала книгу об отце «Маяковский на Манхэттене. История любви», куда включила страницы из воспоминаний своей матери Элли Джонс. Есть в них упоминания и о моем отце и о его гибели. Напечатана в книге и не опубликованная до сих пор на русском языке глава С.Кэмпбелла «Дочка», о которой я рассказывала.

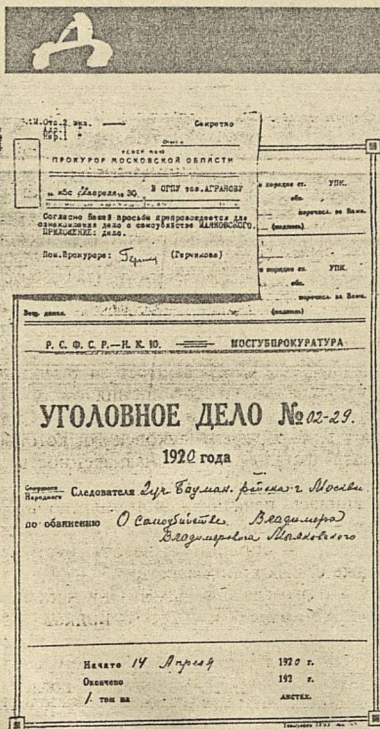
1993 №5
Маяковский В.В.

АРХИВ
АРХИВ
АРХИВ
АРХИВ
АРХИВ
АРХИВ
АРХИВ

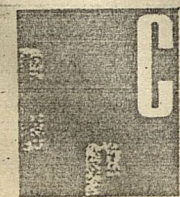
29

Тем не менее, как и при жизни поэта, даже в год его 100-летия не прекращается поток статей, в которых наперебой стараются очернить В.Маяковского или кого-нибудь обвинить в его смерти.

За страницами ДЕЛА № 02-29

СМЕРТЬ Маяковского и по сей день таит много загадок, требующих ответа. Так, не опубликовано ни одного документа, связанного со смертью поэта. Мы не располагаем протоколом вскрытия и заключения судебно-медицинских экспертов 1930 года.

Тем не менее на протяжении многих лет сотрудники музея В.В.Маяковского вели приiski этих материалов, по крупицам собирали и записывали воспоминания современников поэта, делали запросы в архивы КГБ. Ответ был всегда один: материалов о самоубийстве в архивах нет. (Публикации В.Скорятина помогли установить местонахождение этих материалов в Президиумском архиве РФ.)

И вот перед нами уголовное дело № 02-29 «О самоубийстве Владимира Владимировича Маяковского». Открываем папку с прикрепленным бланком от 22 апреля 1930 г. под грифом «секретно»: в ОГПУ тов. Агранову. Согласно Вашей просьбы препровождается для ознакомления дело о самоубийстве Маяковского. Пом. прокурора Герчикова. Акт вскрытия тела поэта в деле отсутствует.

Смерть Маяковского обростала злонамеренными слухами о мнимой болезни поэта. Именно поэтому те, кому был дорог В.Маяковский, настояли на вскрытии, чтобы прекратить ходившие сплетни. В фонде музея

хранятся воспоминания В.Сутырина, подтверждающие этот факт.

Между тем, беседа с медиками, нам удалось установить: вскрытие было произведено профессором В.Т.Талалаевым, что подтверждено и зятем В.Т.Талалаева, патологоанатомом Г.Г.Геворкяном, ныне покойным, а также внучкой, Татьяной Гайковной (тоже патологоанатом, работает в МОНИКАХ). По ее свидетельству, дед был абсолютно уверен, что это самоубийство.

Ценнейший документ, приложенный к делу о самоубийстве Маяковского, — дневник Михаила Презента. Но кто же такой М.Презент, нам ничего не было известно. Как удалось установить, это был журналист, работавший в то время в секретариате Енукидзе. Судьба М.Презента сложилась трагически, в 1935 году он был репрессирован. Возможно, его дневники, которые явились хроникой событий тех лет, стали роковыми в судьбе журналиста. М.Презент в эти трагические дни пытался узнать о Маяковском все, что было возможно. В его окружении некоторые знали, что он вел дневники, вероятно, об этом стало известно ГПУ, и по их просьбе М.Презент переписал в клеенчатую тетрадь «О Маяковском» все, что записал в эти дни о смерти поэта. Запись из дневника: «...В ночь на 17.4. в 1 ч. 30. я заехал в клуб федерации. Ворота на запоре. Зал справа, где лежит тело, ярко освещен. Видно через ворота, как в глубине двора, у входа в клуб, три-четыре человека, дворник и еще кто-то, стоя на скамейке, пытаются взглянуть на

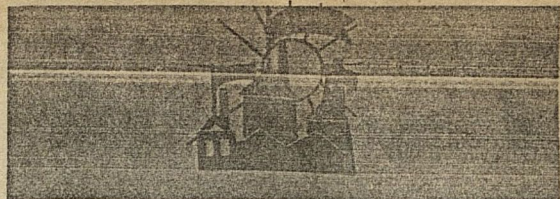
второй этаж, где тело... Пришел в комиссию. Сидят Ионов, Агранов, Сутырин. Уставшие. Прошу у Сутырина разрешения пройти к телу — нельзя, его сейчас бальзамируют. Причина веская. Я вышел, отложив посещение на утро...»

Этот момент запечатлен на фотографии, сделанной фотокорреспондентом «Огонька» С.О.Фридландом (двоюродный брат художника Б.Ефимова и Мих.Кольцова). Под фото подпись: «Бальзамируют Маяковского», 16 апреля. Эта подпись также ввела в заблуждение многих. Это было не бальзамирование, а визуальный осмотр проф. Талалаевым в клубе писателей, где был установлен гроб с телом поэта. Затем его перевезли в клинику для вскрытия. По свидетельству академика медицины В.В.Серова, было произведено в одной из презектур московских клиник В.Талалаевым. (Ныне 1-я Московская медицинская академия им.Сеченова.) К сожалению, здесь архив протоколов за 1930 год не сохранился. Что ж, след потерян окончательно? Надежда, однако, остается. В воспоминаниях * художника Н.Денисовского, посетившего с женой и Л.Брик квартиру Я.Агранова, читаем: «Он хотел показать нам браунинг и пулю, которую вынули из сердца Маяковского... У него в неогороженном шкафу это все лежало». И снова вопросы. Почему вещественные доказательства Я.Агранов хранил дома? Не мог ли там находиться и протокол? Ни для кого теперь уже не секрет, что спецслужбы окружали В.Маяковского, как и многих деятелей литературы тех лет, но из этого нельзя делать вывод, что они убили В.Маяковского, что утверждается во многих статьях. Тем не менее, как и при жизни поэта, даже в год его 100-летия не прекращается поток статей, в которых наперебой стараются очернить В.Маяковского или кого-нибудь обвинить в его смерти.

В 1992 году музеем В.В.Маяковского была произведена судебно-медицинская экспертиза НИИ криминалистики (эти материалы были опубликованы в «Литературной газете»). Это заключение доказало несостоятельность версий об убийстве поэта.

* Хранятся в фондохранилище архива МГУ.

Лариса КОЛЕСНИКОВА,
хранитель мемориального фонда
Гос. музея В.В.Маяковского

АМЕРИКА, год 1925-й...

Окончание. Начало на 24-й,
25-й стр.

Лонг-Лейк и поселился в гостинице «Сагамор».

Элли Джонс вспоминает также, что она была у Хургина в этой гостинице на Лонг-Лейк за день до его гибели. Он был очень нервен, скупал по своей семье. И все время говорил о ней, которую, как считала Элли Джонс, «держали в запойниках», и все время читал ей стихи, прочел «Мойдодыр» Чуковского.

Потом она была вынуждена срочно уехать из гостиницы — этого потребовал Чарльз Рехт, приславший за ней машину. А через день, в понедельник утром, ей позвонил Рехт и сказал, что Хургин утонул. «Это было во времена Троцкого. Дело Троцкого...»

«Жутко думать, что такой милый, блестящий человек вчера был жив, а сегодня мертв... Я всегда чувствовала, что его убили. Я действительно испугалась».

Элли Джонс не называет Склянского — говорит, что забыла фамилию, хотя знает, что погиб и другой человек, только что приехавший из Москвы... Вспоминает она и еще одного человека, приехавшего повидаться с Хургиным. Действительно, как видно из документов, ставших мне теперь доступными, вместе со Склянским приехал и некто Б.Берлацкий. Приехали в это время в Америку еще Иванов и Шведчиков. Элли Джонс рассказала также, что после гибели Хургина Чарльз Рехт привез ее на свою квартиру, где находилась его мать, и как считает Элли Джонс, для того, чтобы ее не могли найти корреспонденты и расспросить о Хургине, так как она видела его одной из последних.

А в начале сентября Рехт устроил у себя вечеринку, на которую пригласил Маяковского и Элли Джонс. Она вспоминает: «Я находилась еще в шоке после смерти Хургина... Я была и на его похоронах».

На вопрос Маяковского, знает ли она, кто он, и читала ли его произведения, «я вежливо отвечала, что Хургин рассказывал о нем и что я

его читала». На этой вечеринке к ней подошел человек, которого она видела в Самаре, но не помнит его фамилию, «он был там комиссаром и навел ужас на весь город» и попросил ее о встрече. Она согласилась. «Мы уничтожили все Ваши письма к Хургину», — сказал он ей. «Пожалуйста, отдайте письма Хургина. Это был шантаж, так как мы с Хургиным никогда не переписывались».

Два года назад я предполагала, что Маяковский знал правду о том, что же произошло на озере Лонг-Лейк, и писала об этом. Теперь я могу писать об этом уже с уверенностью.

«Внезапная смерть Хургина при подозрительных обстоятельствах... — рассказывает Элли Джонс, — потрясла всю эмигрантскую русскую колонию и опечалила и глубоко огорчила друзей Хургина, никто из которых, включая Маяковского, не верил в официальную версию его смерти... Хургин лично способствовал выступлению Маяковского, он снабжал его деньгами и поддерживал его в попытке опубликовать свои работы в Америке».

Необходимо хотя бы кратко сказать о Чарльзе Рехте, которого так часто упоминает Элли Джонс.

Рехт — литератор и юрист был в это время юрисконсультантом «Амтор-

га» и близким другом Арманда Хаммера. В 20-х годах приезжал в Москву. Рехт был включен в похоронную комиссию, на которую возлагались кремация и отправка урн в СССР. Выступал он и на гражданской панихиде 31 августа в зале для прощания Кемпбелл, там же, где говорил над гробом Хургина и Маяковский.

За эти годы я читала много документов, связанных с гибелью отца, видела открытку с озером Лонг-Лейк...

Хочу остановиться на документе, о существовании которого я знала, упоминала о нем, но не читала. Это отчет «Подробности гибели товарищей И.Я.Хургина и Е.М.Склянского», отправленный наркомом иностранных дел Г.Чичерину из Нью-Йорка в 12 часов ночи 30 августа 1925 года и подписанный Б.Краевским, Б.Сквирским, Б.Берлацким. Их всех нет в живых.

Б.Сквирским, который был «негласным представителем Наркоминдела в США», подписаны и другие документы. В 1937 году он был расстрелян. Б.Берлацкий приехал в Соединенные Штаты вместе со Склянским, то есть за три дня до его гибели. Б.Краевский был сотрудником «Амторга».

Их постигла та же участь, что и Сквирского. Из этого пространного

15-страничного документа видно, что никакой бури на озере не было и что никто не предпринял никакой попытки их спасти, хотя «через четыре-пять минут с момента, когда опрокинулся человек», на этом месте были четыре лодки с американцами (кто эти люди, со слов которых многое написано в документе, не говорится, фамилий их нет). Кто-то точно отмечал время: «Челнок перевернулся в 5 часов 52 минуты».

«Маяковский не отходил от гроба, стоящего несколько дней в Нью-Йорке, — вспоминает современник. — Тысячи людей прошли мимо гроба, и высокая фигура Маяковского возвышалась над ними, как символ скорби».

Он все понимал и поэтому никогда не говорил об этом публично и ни разу не написал о Хургине.

Самому Маяковскому оставалось жить меньше пяти лет.

